

Маца, которую мы потеряли

Одесса. 1994 год. Март месяц. Улица Одария, 5. Синагога. Весну выдуло за ворота диким ледяным ветром. Ветер швыряет горсти беловато-серой пыли в группу стоящих друг за другом людей. Мы устремлены к зданию, в котором, окна первого этажа заложены мешками. На дверях табличка: "Выдача мацы". Очередь равняется на мешки, провожая взглядом сожаления тех, кто уходит, отягощенный пачками из коричневой бумаги. Здесь же, в небольшом дворе, находится строение, где продукт производят. У входа стоит крытая грузовая машина. Грузовик у всех на подозрении.

- Говорят, машина из Тирасполя?
- Там еще остались евреи?
- Там осталась мука. Они помогли нашей общине мукой, теперь, наверно, получают часть товара.
- Вы мне говорите! Я спрашивал у шофера. Он молчит. Неужели нельзя обо всем сказать открыто? Мы бы не дали, конечно, но зачем такие тайны?
- Хорошенькое дело! Выдумали себе расписание! Работают три дня в неделю. Я чувствую, что останусь в этом году без мацы.
- Слышали, что они сказали? Еще полчаса будут отпускать. Нет, надо просто окружить машину, чтобы им трудно было ехать.
- Мадам, пока вы стоите у борта, — я спокоен.
- Нужно выяснить обстановку. Или они добавляют товар, или давайте выгружать.
- Да, люди уже ходили к председателю общины.
- Ну и что?
- Ничего! Сидит себе, святоша! Он ничего не знает! Что меня больше всего возмущает: он ведет себя, как директор завода. Я хотел его ударить! Честное слово! Женщины стоят с пяти часов утра — он ничего не знает!
- Там еще Додик есть...
- Так Додик просто придурок, а этот — хитрый, наглый!
- Сеня, успокойся.
- Я совершенно спокоен. Просто, если бы он пришел сюда вот с такой шишкой, то сразу бы обо всем узнал.
- Ну не хватит нам, так что? Зачем она вообще нужна? Кушайте

"Сникерс", "Баунти". Мне вот дочка приносит, ерунда конечно, но гораздо слаще.

- Все завалено этими игрушками, а только упаковка красивая, и, говорят, срок годности вышел.
- Помните: нет ничего вкуснее советских шоколадных конфет "Грильяж", и перестаньте морочить голову друг другу.
- А вы готовьте ее дома.
- Как это дома?
- Простой рецепт. Главное — не положить ничего лишнего. Мука и вода.
- А как же сделать эти черточки, бороздки такие должны быть?
- Возьмите колесики от часов. Колесиками от часов раскатывайте.
- Мой друг Костя Колокольников посылал мацу в Израиль. Мы в то время трудились вместе. Была у него любовница... Встречались они в кабинете начальника. Начальник знал столько же, сколько ее муж. Потом она вдруг уехала. И Костя посылал ей бандероли с мацой... Ну, что вы! Конечно, на работе тогда никто ничего не знал. Такая любовь...
- Наверно мы зря стоим. Надо уходить.
- Правильно. А за кем вы стоите? А впереди?.. Синяя куртка тоже уходит? Леня, еще немножко — и нам хватит...
- Тоже мне, выдумали новый дефицит!
- Что хотят, то и делают! Рынок! Коммунисты не допускали до такого бардака.
- Так те же коммунисты и остались. Побросали партбилеты и строят себе западную жизнь. А на одного капиталиста у них десять ревизоров.
- Строят! Посмотрите на эти стены. Как обрушились, так и стоят. Знаете, что сказал бывший мэр, когда ему доложили, что учащиеся синагоги в опасности? Он сказал: пусть дети наденут вместо кип каски.
- При Сталине...
- При Сталине вы бы ели мацу в Читинской области, и то, только вместе со всеми, после удара в рельс.
- Да, как говорил мой друг Костя Колокольников: нет евреев в своем отечестве.
- Слушайте, вы все помните, все знаете. Давайте мы вас выберем, вместо этого... Будете руководить синагогой. Главное, чтобы без этих штук... Что, вы помолитесь за нас не сможете?
- А что... Хотя я больше по водопроводному делу.
- Жаловаться на них надо!

- Кому?!
- Властям. В исполком.
- Так церковь отделена от государства. Понимаете вы: маца отделена от государства.
- Все, — кончилась. Можно расходиться.
- Я сейчас разойдусь. Если я разойдусь, вам всем мало места будет!
- Не расстраивайтесь. Скоро ее вообще перестанут выпекать. Для кого?.. Не первой необходимости продукт.
- Мы будем стоять тут до победного конца! Я хочу увидеть своими глазами, как им будет стыдно, что они лишили моего ребенка настоящего бульона.
- Если понадобится, ляжем поперек этой машины. А вы можете уходить. И мы ушли. Остались, они — решительные, готовые на все, и маца. Маца, которую мы потеряли.

Павлиний хвост. Об Одессе

...Одесса — шумный, пестрый, многоцветный город. Одесситы любят прихвастнуть:

- Одесса — "кусочек" Парижа.

Не знаю. В Париже не бывал. Но если Париж — огромная территория, застроенная десятью Одессами, то там должно жить невероятно скучно.

Нет ничего печальней театральной неоправданности. Одесса же, если верить первым впечатлениям, — самый театральный, самый нарочитый город России.

Город, где дома — сплошной амфитеатр кресел, улицы — красные дорожки между кресел, лиловые шары электричества — огни рампы, а пышные декорации заменяет море, обступившее город с трех сторон.

Но в этом прекрасно устроенном театре нет хороших актеров.

Душа этого декоративного города умирает. Приглядываясь, замечаешь, что в Одессе ничто не серьезно. Подует ветер, и пыльные декорации дрожат сверху донизу.

Много прекрасных широких улиц, но, в сущности, живет и дышит только одна улица:

Екатерининская.

В этой груди два легких:

- Робина!

- Фанкони!..

Ришельевская — улица конфетти. Дерибасовская — улица серпантин. Это сплошное корсо, причем Ришельевская веселится как-то благородней и сдержанней, а Дерибасовская веселится истеричней.

Хрипло дудят рожки цветных автомобилей, лоснятся золотистые бока лихих жеребцов, мечутся длинные трамвайные вагоны — карнавал, сплошной карнавал, но где-то за фасадами домов, грубо расцвеченных метлахскими плитками, слышится призрачный перезвон:

- Бом!.. бомм!.. бомм!..

Это пир во время одесской чумы... Зачумлена, запугана, забита в один дальний угол самая жизнь Одессы.

Этот угол — Екатерининская улица, где все реально, живо.

*Л. Пасынков, Лео — псевдонимы фельетониста 1910-х годов Лейбы Пинхусовича Грейшмана. Сотрудничал в газетах "Биржевые ведомости" и "Приазовский край". Приведенный набросок был напечатан 30 сент. 1913 года в "Одесском понедельнике" (газета выходила в августе-сентябре 1913, редактор — известный журналист П.М. Пильский).